

Заунывное пение славянина вечером в Азии

Скандалные концерты Марты Аргерих и Александра Рабиновича

Юлия Бедерова

Концерты знаменитой пианистки Марты Аргерих и пианиста, дирижера и композитора Александра Рабиновича-Барковского всколыхнули в публике такую бурю чувств, какой хватило бы на пару мощных сезонов. Игра Аргерих – в диапазоне от полной отстраненности до концентрированности – вызывала то растерянность, то экзотический восторг. Игра Рабиновича – похожие реакции. Зато его старая музыка удостоилась сокрушительного и почти что небывалого скандала в БЗК.

Очевидно, что большая часть публики шла на аргентинскую звезду, которую благословил на венские студии сам Перон. Она живет в Европе, непременно фигурирует в раскладах «Грэмми», играет со столь же именитыми партнерами и олицетворяет собой само лучезарно-величавое фортепианное искусство филармонической традиции. Без репертуарных ухищрений, без экстравагантности манер. Искусство, ласкающее слух феноменально органичной, фразировкой, чувством формы и бриллиантовой виртуозностью.

В довершение всего концерт Листа был сыгран Аргерих так, что перехватывало дыхание. На бис – соната Скарлатти: крохотный переворот в представлениях о человеческих возможностях, обычаях и стиле.

В скандальном ореоле второй концерт (из музыки для двух фортепиано) сперва ввел в ступор. Никто не собирался ни за что бороться. В Брамсе и Моцарте было море интеллекта, чувства и осмысленности формы и в то же время – педальной грязи в пустынном пейзаже потерянных пассажей. Первое отделение было патологическим отслоением клетчатки – расслоением романтической виртуозности как таковой. После антракта две сюиты Рахманинова словно выставили счет, обнажив ранимость, железную архитектуру и трепет замыслов. Скандал оказался репликой к эстетской манифестации.

Антисемитизм

Лет десять назад на их концерте в Питере все было один в один. Многие увидели в скандале антисемитскую подоплеку: концертам предшествовала соответствующая кампания в ленинградской музыкальной среде. Теперь часть наблюдате-

скандала. Он ведет себя как «трепетный художник». Исследуя в музыке трансформации культурных стереотипов, инерцию памяти и восприятия, он хочет, чтобы его выслушали, что многим кажется абсурдом: не нравится тебе концертный ритуал – сиди дома.

Конвенция

«Публику нужно уважать, не стоит устраивать минимализм там, где к этому не привыкли. Или понимать последствия». Но, во-первых, проблема провокационности минимальных сочинений лет тридцать как снята культурой. Во-вторых, это вопрос: должен ли Рабинович, в то время как минимализм вошел в мейнстрим, учитывать, что едет на гастроли в кокосовое царство, где при малейшем раздражении у публики в районе физиономии вырастает свиной пятак, в ушах зацветают бананы и, потрясая всем своим комплексом культурной фрустрации, грозно таращась, с бананами наперевес пятачкастая бросается в атаку. По-видимому, должен. Мало кто, если он здоров, будет собирать гербарий на спорном лугу между деревнями тутси и хуту.

Еще одна нарушенная конвенция – схема «звезда и ее сце-

Марта Аргерих изумительна своим выбором.

Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

В то же время Марта Аргерих была замужем за композитором-минималистом Александром Рабиновичем, с которым бывала в СССР и который остается ее постоянным партнером. Еще она часто говорит, что обожает играть, но терпеть не может «быть пианисткой»: это тягостный ритуал, и она тщательно выбирает, где и с кем играть.

Краткое содержание двух серий

Первый концерт проходил в день рождения Святослава Рихтера. Программа из двух фортепианных концертов была укомплектована не милой оперной увертюрой или многозначительной хрестоматийной симфонией, как здесь принято, но в западноевропейском духе: Шуману предшествовал оркестровый «Дон Жуан» Рихарда Штрауса, продирижированный Рабиновичем с интеллектуальным вызовом и намеком. Второе отделение открыла оркестровая «Красивая музыка № 3» (1977) Рабиновича. Пока Аргерих готовилась к Листу, композитор затянул свою прекрасную песню, минималистскую форму, сидящую одновременно на двух стульях – позднеромантическом и современном (с явной голливудской спинкой). Формула, апеллирующая к звуковым образам эпох гениальностей, виртуозностей, чинопочитания, обмороков, открытий, к началу становления академической традиции как массового шоу и проч., в «Красивой музыке» упаковывается в хитро сконструированную ренегитивную конструкцию. Все повторяется с минимальными изменениями. На седьмом повторе публика принялась ржать, на восьмом – свистеть, на девятом – улюлюкать, на десятом – хлюпать (чтоб прекратил наконец издаваться), на одиннадцатом – дирижер бросил палочку и выскочил со сцены, хлопнув дверью.

На сцену поднялся пианист Алексей Любимов и произнес: «Сами выставили себя идиотами». Концерт казался сорванным. Но все-таки Рабиновича вернули, оркестр уселся и доиграл оставшееся. Публика вопила браво.

лей проинтерпретировала произшествие в том же духе.

Минимализм

Что бы кто ни думал о небывалости, недавно аудитория БЗК обшикала и обсмеяла исполнение роскошной концептуалистско-минималистской вещи 1976 года Владимира Мартынова. Ясно, что повтор вызывает в потребителе совершенно физиологическую реакцию (ее продолжением становятся вопли «браво» после раздраженного свиста). Отсутствие сюжета дезориентирует восприятие. В случае с музыкой Рабиновича сам материал апеллирует к высокой романтической традиции, к стереотипам

ническая свита». Аудитории непонятно, почему вместо шикарной дивы с тихим дирижером, взбивающим перинки и поправляющим подушки, ей предлагают эмоционально и интеллектуально изощренный ансамбль двух индивидуально-стей. Главную роль в нем, безусловно, играет Аргерих, и это она выбирает, когда ей снимать с себя ответственность, а когда активно участвовать в происходящем. Но трепетный смысл сюжета заключен в диалоге – в том числе концептуализма и романтизма как эстетик, привязанностей, исполнительской оптики. Интрига в игре дуэта заключена в памяти о роман-

Внутри что-то ворочается – это животный мир

высокого академического шоу, и здесь обман слушательских ожиданий оказывается невыносимым. Внутри что-то ворочается – это животные инстинкты самосохранения. Идейная база подводится уже задним числом.

Икона

«Как он смеет под портретом Рихтера играть свою лабудень», – гудят профессора и обыватели. Святого не тронь, мурку давай, шульберта и священного трепета. Высокая традиция предполагает конвенциональное поведение. Однако имя Рихтера в еще большей степени священно для местного культурного просвещения. Для интеллектуальной элиты, отождествляющей Рихтера с силой противостояния замшелости и темной агрессивности.

Обидели воробушка

Публика потребляет и полагает, что консерватория принадлежит ей. Рабинович с Аргерих утверждают обратное – правила устанавливаем мы. Но когда дирижер бросает палочку, он становится соучастником

тизме: с любовью, с осознанием утрат, с эмоциональным движением и рациональным выбором.

Параллельные миры

Рассказали тут историю: жил да был в Советском Союзе один продвинутый тонкий филолог. Был он человек очень болезненный и немного странный. Работал переводчиком в советском Олимпийском комитете. Умер от болезней совсем молодым. На похоронах собралась странная компания. С одной стороны – спортивнокагэбэшная, прототипагачевская общественность, произносившая тексты вроде: «Имярек так много сделал для советского спорта ...хороший товарищ ...активный борец...». С другой стороны, была филология во главе с Мариэттой Чудаковой, говорившей о профессиональной честности умершего ученого, о бескомпромиссности и тонкости его поиска и т.д.

Так и здесь. Есть миры, которые практически не подозревают о существовании друг друга. Их встреча безобразна и красива, полезна и бессмысленна. ■